

С Е Р И Я
Э К О Н О М И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

INSTITUTIONS
and the PATH to the
MODERN ECONOMY
Lessons from Medieval Trade

AVNER GREIF

ИНСТИТУТЫ И ПУТЬ К СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

*Уроки средневековой
торговли*

АВНЕР ГРЕЙФ

Перевод с английского
ИННЫ КУШНАРЕВОЙ

Вступительная статья
МАРИИ ЮДКЕВИЧ

Второе издание

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2018

УДК 330.1
ББК 65.011
Г80

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научные редакторы

ЛЮБОВЬ КИЗИЛОВА, КОНСТАНТИН СОНИН

Грейф, А.

Г80

Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли [Текст] / пер. с англ. И. Кушнारेвой; вступит. ст. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 536 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1732-1 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1688-1 (e-book).

Принято считать, что существующие различия в экономике, политике и обществе отражают влияние различных институтов. Но среди экономистов, политологов и социологов нет единого мнения о том, что представляют собой институты, какие силы влияют на их сохранение и изменение и как мы можем повлиять на институциональное развитие. Эта междисциплинарная книга предлагает понятие институтов, которое объединяет внешне противоположные направления институционального анализа в социальных науках. В ней используется единый подход к изучению происхождения и сохранения институтов, их изменения и влияния предшествующих институтов на последующие.

Достоинства этого подхода демонстрируются при помощи сравнительных исследований институтов в средневековом европейском и мусульманском мире. Этот сравнительный анализ институциональных оснований рынков и государств и их динамики также способствует пониманию функционирования современных экономик. Он показывает своеобразие европейских институтов и объясняет, как и почему они привели к возникновению современной экономики, поддерживая обезличенный обмен, эффективные государства и использование знаний.

УДК 330.1

ББК 65.011

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1732-1

ISBN 978-5-7598-1732-1 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-1688-1 (e-book)

ISBN-13 978-0-521-48044-4 (hardback)

ISBN-13 978-0-521-67134-7 (paperback)

© Avner Greif 2006

All rights reserved.

© Перевод на рус. яз. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013; 2018

СОДЕРЖАНИЕ

МАРИЯ ЮДКЕВИЧ, АВНЕР ГРЕЙФ: МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	20
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	27
I. ВВЕДЕНИЕ	29
II. ИНСТИТУТЫ И ТРАНЗАКЦИИ	55
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИНСТИТУТЫ КАК РАВНОВЕСНЫЕ СИСТЕМЫ	81
III. ИНСТИТУТЫ ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТОВ ЧАСТНОГО ПОРЯДКА: КОАЛИЦИЯ МАГРИБСКИХ ТОРГОВЦЕВ	85
IV. ЗАЩИТА ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ ОТ ХИЩНЫХ РУК ГОСУДАРСТВА: КУПЕЧЕСКАЯ ГИЛЬДИЯ	119
V. ЭНДОГЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ТЕОРИЯ ИГР	153
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	185
VI. ТЕОРИЯ ЭНДОГЕННЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	192
VII. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ: КАК ПРОШЛЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛИЯЮТ НА СЕГОДНЯШНИЕ	224
VIII. ПОСТРОЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: ВЗЛЕТ И УПАДОК ГЕНУИ	256
IX. О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ: КУЛЬТУРНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВ	310
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЭМПИРИЧЕСКИЙ МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА	347
X. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕЗЛИЧЕННОГО ОБМЕНА	353
XI. ИНТЕРАКТИВНЫЙ КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	397

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	425
XII. ИНСТИТУТЫ, ИСТОРИЯ, РАЗВИТИЕ	427
ПРИЛОЖЕНИЕ А. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИГР	456
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. СТРАТЕГ ЛИ НОМО SOCIOLOGICUS?	469
ПРИЛОЖЕНИЕ В. РОЛЬ ТЕОРИИ: ИНСТИТУТЫ ЧАСТНОГО ПОРЯДКА, ОСНОВАННЫЕ НА РЕПУТАЦИИ.	475
БИБЛИОГРАФИЯ	498

*Памяти моего отца,
доктора Леона Ари Грейфа*

МАРИЯ ЮДКЕВИЧ

Авнер Грейф: модель для сборки

(Предисловие к русскому изданию книги А. Грейфа
«Институты и путь к современной
экономике: Уроки средневековой торговли»)¹

Надо мыслить, а значит, нужен анализ, нужно отделить то, что действительно составляет этот вневременной миг, от того, что в него привносят ассоциации, чтобы приблизить его к себе, сделать больше своим, перенести по сию сторону.

Хулио Кортасар. «62. Модель для сборки»

Если подойти к культуре как к чему-то, что можно измерить непосредственно, исчезает иллюзия размытости и устойчивости. Большие не нужны грубые стереотипы вроде того, что «немцы всегда были воинственно настроены» или что «испаноязычная культура противится развитию». Можно начать анализировать определенные элементы данной культуры в данное время и в данном месте.

Дж. Гранато и др.²

ИНСТИТУТЫ, КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ, ИЛИ О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Вопрос о взаимосвязи институтов и благосостояния общества и о роли в ней культуры на сегодняшний день является одним из центральных вопросов, занимающих внимание экономистов. Почему в странах, похожих с точки зрения географических условий и наделенности природными ресурсами, институты могут формироваться и развиваться по-разному? Почему в одних странах формируются институты, обуславливающие рост и процветание экономики, а в других — усугубляющие

¹ Моя благодарность коллегам — Я.И. Кузьминову, обратившему мое внимание на параллели высказываемых Грейфом идей с ситуацией в современной России, а также А.А. Бальсевич, М.И. Одинцовой, Л.И. Полищуку, высказавшим свои комментарии и замечания к начальной версии текста.

² Granato J., Inglehart R., Leblang D. The Effect of Cultural Values on Economic Development: Theory, Hypotheses, and Some Empirical Tests // American Journal of Political Science. 1996. Vol. 40. No. 3. P. 625.

стагнацию, и почему страны с «менее удачными» институтами не могут напрямую скопировать более успешные модели других стран?

Попытке ответа на эти вопросы посвящены сейчас усилия многих исследователей, и развитие соответствующего инструментария анализа эмпирических данных дало этому направлению важный дополнительный импульс. Работы Норта, Асемоглу, Джонстона и Робинсона, Нака и Кифера, Родрика и целого ряда других экономистов не только устанавливают наличие корреляции между характеристиками развития институтов и экономическим благосостоянием общества, обращаются к роли «нетехнических» факторов в развитии институтов, но и предпринимают попытки определить причинно-следственные связи между развитием институтов и развитием экономики.

На первый взгляд книга Авнера Грейфа «Институты и путь к современной экономике» может показаться интересной, но все же лишь «еще одной работой» в плеяде книг и статей, опубликованных в последнее десятилетие по этой теме. На самом деле это далеко не так. Во-первых, потому, что работы Грейфа — «Обеспечение исполнения контрактов и экономические институты в ранней торговле: коалиция магрибских торговцев», «Культурные убеждения и организация общества: исторические и теоретические размышления о коллективистских и индивидуалистских обществах», «Обеспечение исполнения контрактов и экономические институты в ранней торговле: уроки торговой революции» и многие другие, которые легли в основу этой книги, — появились раньше, чем работы тех, кого мы считаем пионерами в этой области. Во-вторых, потому, что Грейф предлагает и развивает свой подход к анализу взаимосвязи культурных представлений, институтов и экономических результатов, принципиально отличающийся от тех, которые находятся сейчас в русле формирующегося мейнстрима, однако представляющий основания для синтеза и интеграции этих подходов. Наконец, потому, что эта книга, описывающая экономические отношения в Средних веках и в этом смысле как нельзя более погруженная в прошлое, как это ни парадоксально, развивает инструментарий для анализа настоящего и будущего.

Глубокое убеждение Грейфа, на котором построены и эта книга, и легшие в ее основу исследования, состоит в том, что понимание воздействия, сохранения и изменения нетехнических особенностей (в первую очередь особенностей культурных) «требует изучения микромеханизмов, стоящих за их возникновением, стабильностью и динамикой на уровне взаимодействующих индивидов». Поэтому эта книга — прежде всего попытка идентифицировать и изучить эти микрооснования, пройдя путь от анализа конкретных транзакций, имевших место несколько сотен лет назад, до обобщающих выводов, которые могут быть использованы сегодня в дизайне экономических реформ.

УРОКИ ИСТОРИИ

Хотя мы часто слышим и, пожалуй, не менее часто повторяем сами, что история может дать нам хорошие уроки, что она содержит ценную информацию для будущих поколений, что ее изучение важно и полезно, далеко не всегда экономисты пользуются этими советами. Не так много найдется книг, практически полностью опирающихся на средневековую историю и при этом так много говорящих внимательному читателю о дне сегодняшнем.

Причина такой актуальности работ Грейфа кроется, по всей видимости, в «индуктивном» подходе к анализу институтов и реализующихся в их контексте контрактных взаимодействий. Достаточно часто молодые исследователи, да в общем-то не только они, очарованные идеями институциональной теории и замороженные богатством окружающего их институционального многообразия, начинают с построения всеобъемлющих теорий. Под эти теории они затем подбирают подтверждающие их примеры. Грейф показывает, насколько продуктивным может быть противоположный подход, когда основанием для общей теории является глубокий анализ отдельных локальных эпизодов. Грейф, кстати, совершенно не одинок в таком подходе. Дуглас Норт и Рональд Коуз, Элинор Остром и Оливер Уильямсон также начинали с анализа совершенно конкретных, многим казавшихся мелкими и незначительными, вопросов, из ответа на которые, в обобщении, вырастали фундаментальные теории.

Обосновывая необходимость детального понимания конкретной ситуации и ее исторического контекста, Грейф в каждом из рассматриваемых случаев задается вопросом: «почему мы наблюдаем то или иное поведение взаимодействующих в данной ситуации агентов, почему агенты ведут себя именно так, а не по-другому?». Поиск ответа на этот вопрос приводит его сначала к анализу институтов, обеспечивающих систему стимулов, а затем к поиску оснований, на которых эти институты базируются.

Нужно ли экономистам, бьющимся над задачей построения прогностических теорий экономического развития, изучать давно забытые истории обмана, доверия, вероломства, точного расчета и слепой веры купцов Магриба, граждан Венеции, торговцев Генуи, живших 500 лет назад? Да, если из этих случаев можно извлечь современные, далеко идущие уроки. Книга Грейфа с успехом демонстрирует эти возможности.

ТРАНЗАКЦИЯ КАК БАЗОВАЯ ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

Итак, Грейф обращается к микроисточкам и разбору микроситуаций (на уровне стимулов индивидов, а не «институтов вообще»). Соответственно базовой единицей в его подходе становится транзакция, которую он определяет как «действие, предпринимаемое, когда нечто, например

товар, социальное отношение или информация, передается между индивидами или другими социальными единицами и обладает внешним действием на реципиента».

Говоря о первичной роли поведения, как феномена, задающего вопрос, Грейф — кстати, вслед за Джоном Коммонсом и Оливером Уильямсоном — делает ее именно единицей анализа. Подход через транзакции является естественным для анализа торговых взаимодействий, взаимодействий обмена, когда при всех осложняющих обстоятельствах акторы признают друг в друге независимых партнеров. Напротив, в анализе нерыночных структур примат транзакций проявляется не так явно (единственным исключением является общинная экономика, но в ней тоже есть обмен деятельностью равных или одинаковых партнеров). Если же мы возьмем распределительные отношения или регулятивные системы, там первичность транзакции над институтом является гораздо менее очевидной для исследователя.

По мнению Грейфа, фокусирование внимания на транзакции при изучении институтов помимо прочего позволяет преодолеть разрыв между двумя основными направлениями анализа в неоинституционализме. Экономика транзакционных издержек, основы которой были заложены в работах Оливера Уильямсона, базируется на идее, что институты создаются для минимизации подобных издержек. С другой стороны, подход к институтам как к правилам, развиваемый Дугласом Нортом, видит в них определяющие факторы транзакционных издержек. На самом деле такой выбор позволяет добиться большего — обратиться к анализу стимулов и индивидуального выбора и оценить роль институциональных ограничений в этом выборе.

ЗАДАЧИ КНИГИ: ТОЧКА СБОРКИ

Ставя основной своей целью «проанализировать эндогенное возникновение и динамику различных форм политического и экономического устройства, а не только формы поведения внутри них», Грейф формулирует три задачи, которые должны решить институционалисты для продуктивного исследования взаимосвязи между институтами и благосостоянием:

- *Разработка интегративной концепции институтов*, которая будет основана на гипотезах и аналитическом аппарате, взятых из внешне альтернативных направлений институционального анализа.
- *Микроанализ влияния институтов на взаимодействие индивидов в рамках отдельных транзакций*, в котором вопрос мотивации следования определенным правилам поведения будет составлять неотъемлемую часть анализа.

- *Разработка единого концептуального аппарата и аналитического инструментария для изучения стабильности подобных институтов, эндогенных институциональных изменений и воздействия институтов прошлого на их развитие в будущем.*

Как видно из этих задач, с точки зрения Грейфа, только синтез кажущихся альтернативными подходов к анализу природы и динамики институтов может приблизить нас к определению реального взаимоотношения институтов и благосостояния. Не ограничиваясь пустыми призывами к интеграции и «дружбе между разными школами» институционального анализа, Грейф предлагает свои подходы к нескольким «гордиевым узлам» институционального анализа. Он затрагивает несколько основополагающих дилемм, пытаясь соединить и примирить то, что по традиции считается несоединимым и непримиряемым. Именно поэтому работа Авнера Грейфа становится «точкой сборки» целого ряда теорий. В этом еще одна ее — возможно, пока еще не до конца оцененная — заслуга.

А. ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА: СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Первый такой «узел» сходится на давнем споре разных течений институционального анализа о «правильной точке зрения на институты». Спор идет между теми, кто принимает функционалистскую точку зрения на институты, и теми, кто придерживается структурной точки зрения. Согласно первой, индивиды организуют институты, чтобы достичь своих целей; согласно второй, институты есть нечто большее, нежели отражение суммы волеизъявлений индивидуальных акторов.

Функционалистская, индивидуалистическая, точка зрения помещает в центр анализа актора, принимающего решения. Она предполагает, что институты отражают цели создающих их индивидов. Следовательно, когда условия, приведшие к их возникновению, начинают эволюционировать, институты также уходят, вытесняясь институтами более востребованными и актуальными.

Структурная точка зрения основывается, напротив, на холистическом подходе, подчеркивая, что «институты структурируют человеческие взаимодействия, формируют индивидов и конституируют социальные и культурные миры, в которых они взаимодействуют».

Хотя большинство экономистов традиционно придерживаются функционалистской точки зрения, рассматривая, вслед за Нортом, институты как правила игры, задающие определенные поведенческие ограничения и структурирующие таким образом взаимодействия агентов, а социологи — структуралистской, это различие не безусловно: среди экономистов — сторонников традиционного институционализма — не-

мало структуралистов, а среди социологов встречаются те, кто изучает институты с функциональной точки зрения.

По мнению Грейфа, два этих, казалось бы, взаимоисключающих взгляда на институты — структурный и функциональный — должны быть соединены друг с другом, поскольку каждый из них схватывает достаточно важную черту реальности — восприятие отдельными индивидами институтов как экзогенных ограничений и возможность общества влиять на институты.

Грейф предлагает рассматривать *институт* как «систему правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения». Что побуждает Грейфа вступать на скользкий путь смешивания в одном определении правил, организаций и убеждений — элементов, относящихся к различным подходам?

Пожалуй, различных определений института существует не меньше, чем самих институционалистов, и приверженность к тому или иному определению зачастую служит для них своего рода лакмусовой бумажкой в отношениях «свой—чужой», заставляя крайне критически относиться к работам друг друга. Соответственно Грейф, предпринимая попытку дать единое определение, так или иначе сочетающее в себе элементы разных определений, берется за задачу сколь важную, столь и рискованную, амбициозную. Объясняет он ее тем, что разные определения влекут за собой разные базовые положения и предпосылки относительно природы, динамики и происхождения институтов. Поэтому рассмотрение различных определений институтов как взаимоисключающих сдерживает, с его точки зрения, развитие институционального анализа.

Определение Грейфа помещает в центр анализа мотивацию индивидов, побуждающую их следовать правилам, и соответственно сами убеждения и нормы, открывая возможности для теоретико-игрового анализа. Социальные факторы, которые образуют институт, мотивируют и «направляют индивидов так, чтобы они следовали определенной модели поведения, выбирая именно ее среди многих моделей, технологически возможных в социальных ситуациях».

Следовательно, если в стандартной теории игр правила игры воспринимаются как данность, а убеждения и поведение мотивируются эндогенно, то данное Грейфом определение признает, что причинно-следственная связь может иметь обратный характер. Убеждения и нормы, унаследованные из прошлого, являются частью начальных условий процессов, ведущих к появлению новых институтов и новых стратегий поведения: «релевантные игры — и, следовательно, институты — выстраиваются вокруг убеждений и норм, унаследованных из прошлого, путем установления поддерживающих их правил и организаций». Блестящий пример такой логики содержится в сравнительном анализе

торговых практик купцов Магриба и генуэзцев — коллективистского и индивидуалистического сообществ, в которых для решения одних и тех же задач под влиянием разных культурных убеждений формируются совершенно разные институты.

В. МОДЕЛЬ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА И ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Вторая проблема, с которой часто сталкиваются экономисты, это ограничения модели рационального выбора и возможность использования аппарата теории игр. Признавая теорию игр эффективным инструментом анализа взаимодействия индивидов, находящихся в поле действия институциональных ограничений, задающих доступные им стратегии, экономисты тем не менее осознают нереалистичность предпосылок о совершенной рациональности и моделях познания игроков, лежащих в основе большинства формальных конструкций.

Способ обойти эту проблему, по мнению Грейфа, находится именно в сфере институционального анализа. Теоретико-игровое допущение, что правила игры общеизвестны и индивиды способны принимать безошибочные решения в рамках этих правил, учитывает когнитивные и информационные роли социальных правил.

Другими словами, индивиды способны рационально действовать (и выбирать) в условиях известной им (унаследованной) институциональной среды, в то время как попадая в незнакомую среду, они «теряют свойства актора», либо минимизируя действия (отказываясь от транзакций) в силу очень высокого риска (как он им видится и как вообще существует для них на самом деле из-за их неспособности предвидеть результаты действий), либо прибываясь к какой-то рутине, содержащей знакомые элементы или вызывающей доверие. Характерный пример — поведение иностранных инвесторов применительно к России.

Такой подход сочетает в себе как идею Норта об институтах, которые облегчают выбор в условиях неопределенности, так и идею Веблена о складывающихся поведенческих рутин. Таким образом, мы можем применять теоретико-игровые конструкции для анализа институциональных ограничений индивидуального выбора, учитывая фундаментальную роль институтов в структурировании и направлении индивидуального поведения.

Такой подход Грейфа, помимо прочего, открывает возможности и для развития теории формирования убеждений и институционального обучения правилам и нормам на основе теоретико-игрового подхода к обучению.

С. ГОСУДАРСТВО, НАСИЛИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ ВЛАСТИ

Еще один вопрос, которым традиционно задаются институционалисты и по которому не могут прийти к однозначному ответу, это вопрос о природе государства, наделенного достаточной властью для осуществления насилия, но воздерживающегося от злоупотребления ею. Действительно, если государство, гарантирующее соблюдение контрактов и прав собственности и предоставляющее общественные блага, обладает достаточной властью для осуществления этих функций, что заставляет его воздержаться от предоставления защиты или конфисковать частную собственность, тем самым подрывая основания рыночной экономики?

На примере города-государства Генуи периода XI–XII вв. Грейф показывает, что оба взгляда на природу государства — стационарного бандита, обладающего монополией на принудительную власть, и государства как механизма обеспечения общественных благ, выгодных экономическим агентам, — не всегда способны дать объяснение историческому опыту. Он обращается к процессу построения эффективного государства как процессу институционального развития, заставляющего индивидов вести себя только как экономические агенты.

На ранних этапах государство, полагает Грейф, не располагает независимыми ресурсами и должно опираться на поддержку социальных структур, унаследованных из прошлого, ища пути заставить существующие социальные структуры использовать свои экономические и военные ресурсы для выполнения задачи, которую ставит перед собой государство в целях экономического процветания и политической стабильности. Сложность этой задачи в том, что совместная мобилизация ресурсов для выполнения ранее не решавшихся проблем может подорвать существующие самоподдерживающиеся институты или соглашения, регулирующие отношения между этими социальными структурами, не предложив лучшей альтернативы. На примере функционировавшего в Генуе института *подеста* Грейф показывает, как государство может решать эту задачу и с какими долгосрочными институциональными последствиями связано это решение.

Опять же пример из недавнего прошлого: Россия Ельцина как раз страдала недостаточностью государства (и со стороны недостатка ресурсов, и со стороны жесткой институциональной «связанности» их использования, и со стороны лояльности собственных агентов). Результат — совместная мобилизация ресурсов с крупным бизнесом, апогеем которой были президентские выборы 1996 г. или работа ОРТ. Интересно, что такая практика не ушла и из путинской России, только в результате резкого изменения веса сторон она реализуется в виде полукоррупционного фаворитизма (государство привлекает ресурсы формально независимых фирм, обеспечивая им преференции в рамках повторяющихся

игр). Альтернативная практика совместной мобилизации ресурсов (использование средств западных стран и займов международных финансовых организаций) накладывала более серьезный и явный отпечаток на экономическую политику 1990-х, но в 2000-х полностью ушла.

D. СТАБИЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ И ИХ ДИНАМИКА

Наконец, еще одной классической проблемой является проблема соотношения стабильности институтов и их динамики. Если институциональная теория убедительно объясняет, почему институты стабильны и что является источником такой стабильности (обсуждению этих факторов посвящен, например, ряд работ Пола Дэвида), она, как правило, предлагает не самое убедительное объяснение природы их динамики и динамических процессов вообще. Напротив, если теория объясняет динамику институтов, то она не дает убедительных аргументов в пользу их стабильности.

Подход к понятию и природе институтов как к комплексу социальных факторов, обеспечивающих когнитивные, координирующие, информационные и нормативные основания для индивидуального действия в рамках транзакций, позволяет выделить факторы, заставляющие институты сохраняться в меняющемся окружении. Если ситуация меняется, говорит Грейф, поведенческие реакции остаются неизменными до тех пор, пока те, кто видит перемены, не донесут информацию об этом до других через свои действия. При этом нормы делают институционализированное поведение устойчивым к изменениям внешнего окружения, а дефицит когнитивных ресурсов и внимания трансформирует такое поведение в соответствующие рутины.

Это же определение позволяет рассуждать и о причинах эндогенной динамики институтов. Действительно, Грейф не останавливается на определении института как равновесия в конкретной игре (как это делает, например, Шоттер), а рассматривает и те факторы (включая культурные представления), которые делают это равновесие самоподдерживающимся.

Более того, рассуждая об институциональной динамике как об историческом процессе, Грейф пытается объяснить (в том числе на конкретных исторических примерах) определенный «жизненный цикл» институтов, задаваясь вопросом о том, почему успешно функционирующий институт может «культивировать семена своего собственного упадка». Почему, например, институты, поддержка которых основывается на репутационном механизме, с определенного момента могут начать «подрывать сами себя»?

* * *

Если здорового человека отличает от алкоголика «знание границ» и «своей нормы», то грамотного исследователя отличает от неопита, выучившего некоторое количество теорий и инструментов, четкое понимание тех границ, в пределах которых применимы та или иная теория, тот или иной инструментарий. Сравнительный исторический институциональный анализ, предлагаемый Грейфом, четко определяет роль каждого инструмента и ограничений его использования — будь то теория игр или анализ исторических свидетельств. Отталкиваясь от многообразия путей, он исследует происхождение и следствия этого разнообразия, сочетая эксплицитный аналитический аппарат с контекстуальной, исторической информацией. Интегрирует различные направления институционального анализа и включает «факторы, силы и соображения», акцентируемые каждым из них.

На страницах книги «Уроки средневековой торговли» практически невозможно найти прямой критики тех или иных подходов или работ (исключение делается, пожалуй, для подробного критического разбора работы Норта, Милгрома и Вейнгаста о ярмарках в средневековой Шампани), там есть лишь обсуждение тех ограничений, которыми обладают те или иные альтернативные институциональные теории, и основания для их интеграции.

Зачастую исследователь, опубликовавший некоторое количество статей, в какой-то момент решает объединить их под одной обложкой. Книга Грейфа — не тот случай: все работы критически переосмыслены, и книга действительно представляет собой единый органичный взгляд на теорию. Если практически каждая из статей базируется прежде всего на детальном микроанализе определенного исторического эпизода, то в книге все эти эпизоды, казалось бы, не очень связанные между собой, интегрируются в единую теорию.

Как ни парадоксально, эта книга будет полезна для тех, кто хочет начать изучение институциональной экономики. А также для тех, кто знаком с основными направлениями анализа институтов в институциональной теории и ищет свои ответы на поставленные в их рамках вопросы. Она будет одинаково интересна и тем, кто знаком с работами Норта, Уильямсона, Аоки, Шоттера, Асемоглу, и тем, кому эти имена пока мало что говорят.

Грейф не предлагает универсального инструментария, а лишь показывает, каким образом для каждого конкретного случая он строит свою аналитическую модель. С одной стороны, отсутствие такой теории не позволяет нам говорить о наличии инструмента, который можно было бы легко применять к любому интересующему нас случаю. С другой стороны, заинтересованному читателю Грейф дает достаточно пищи для

размышлений — чтобы задуматься о построении той модели, которая позволит дать ответ на одну из еще не разгаданных загадок. А умению видеть нетривиальные загадки в тривиальных на первый взгляд вещах, задаваться вопросами о причинах существования, казалось бы, очевидных моделей поведения и контрактов и из ответов на эти вопросы делать выводы о причинных взаимосвязях, объединяющих более общие, фундаментальные явления, у Авнера Грейфа стоит поучиться.

Несмотря на то что все примеры, которые приводятся и обсуждаются в данной книге, относятся к институтам, которые перестали существовать много веков назад, эта книга еще долго будет оставаться современной и актуальной. Потому что она описывает прошлое так, что дает нам возможность заглянуть в будущее.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга родилась из попытки глубже понять факторы, обусловившие экономические и политические события эпохи зрелого Средневековья (примерно с 1050 по 1350 г.). Именно в этот период мусульманский (средиземноморский) мир достиг того, что многие ученые считают зенитом его торговой интеграции, поскольку расширение рынков в Европе было столь ярко выраженным, что авторитетные историки окрестили это явление торговой революцией зрелого Средневековья.

Поэтому более глубокое понимание этого периода поможет прояснить, почему эффективные рынки и экономически выгодные формы государственного устройства в одни исторические периоды преобладают, а в другие — нет. Экономисты уже давно подчеркивали, что развитие рынков приводит к повышению благосостояния, однако мы на удивление мало знаем об истоках исторических траекторий рыночного развития.

Этот период также представляет интерес, поскольку является точкой бифуркации в истории мусульманского и европейского мира. В период зрелого Средневековья мусульманский мир по своему экономическому, технологическому и научному развитию, возможно, превосходил Европу. Действительно, в эту эпоху европейцы многому научились у мусульманского мира [Watt, 1987]. Однако в последующие века мусульмане избрали иной экономический и политический путь развития, нежели европейцы, и в конечном итоге их благосостояние ухудшилось.

Понять этот период и его последствия для дальнейшего развития мне помогли занятия историей в аспирантуре Тель-Авивского университета. Мне посчастливилось вести исследования под руководством профессора Моше Гила, специалиста по мусульманскому Средневековью. Мои занятия историей были дополнены изучением экономики и экономической истории в Северо-Западном университете, где я имел честь работать под руководством профессоров Джоэла Мокира, Джона С. Панцара и Уильяма П. Роджерсона.

Мои занятия этими двумя дисциплинами отражены в данной книге, соединившей в себе исторический и социологический методы анализа. С одной стороны, книга стремится отдать должное историческим особенностям и процессам. В ней утверждается, что именно они дают ключ к пониманию причин разного развития внешне идентичных ситуаций. С другой стороны, она признает, что чисто историческое повествование рискует оказаться ситуативным и лишенным универсального значения.

Поэтому представленный здесь анализ придерживается социологической традиции опираться на эксплицитную теорию, использующую аналитические модели и не страшась того, что ее гипотезы получат эмпирическое опровержение. В то же время мы признаем ограничения

социологического подхода: общей теории далеко не всегда удается объяснить исторические частности; использование моделей ограничивается математическими методами, на которых они основаны; статистические методы зачастую не позволяют оценить специфические исторические гипотезы.

Таким образом, исторический и социологический методы анализа дополняют, а не заменяют друг друга, как принято считать. Я надеюсь, что представленное здесь исследование продемонстрирует возможность и необходимость интегрирования этих двух методов и преимущества, которые из этого можно извлечь.

В ходе изучения зрелого Средневековья я осознал необходимость пойти дальше ссылок на различные технологии, наделенность факторами производства или предпочтения, как того требует классическая экономическая теория. Чтобы понять интересующие нас результаты и процессы, потребовалось включить в анализ влияние *институтов*. В экономике институционалисты, как правило, отождествляют институты либо с политически обусловленными формами правления, регулирующими экономическую деятельность, либо с контрактными и организационными формами, избранными агентами, взаимодействующими на рынках. На мой взгляд, это слишком узкие подходы, поскольку я не мог считать политические или рыночные порядки экзогенными по отношению к моему анализу. Моя цель заключалась в том, чтобы проанализировать эндогенное возникновение и динамику различных форм политического и экономического устройства, а не только формы поведения внутри них.

Таким образом, чтобы понять внутренне обусловленное (системное) возникновение, действие и последствия различных политических форм и рынков, необходимо рассматривать институты не просто как политически обусловленные правила или оптимальные реакции экономических агентов, взаимодействующих на рынке. Я должен был принять рынки и политическое устройство как эндогенные, а не экзогенные факторы и изучить их институциональные основы. Для более глубокого анализа я попытался понять причинные факторы, влияющие на поведение в экономических и политических транзакциях. Такое понимание требовало выйти за рамки изучения форм правления, чтобы посмотреть, как системы правил, убеждений, норм и организаций (социальные структуры) направляют и мотивируют поведение в различных транзакциях.

Изучение институтов как взаимосвязанных систем правил, убеждений, норм и организаций оказалось занятием одновременно сложным и благодарным. Например, любой результат может быть объяснен ситуативной ссылкой на не поддающиеся наблюдению убеждения и нормы, если ситуация рассматривается в отрыве от причин и следствий. Поэтому крайне важно ограничить набор приемлемых институтов.

Для ограничения этого набора мне представляется концептуально здоровым и эмпирически эффективным соединением исторического анализа с микроаналитическим, в частности, с теорией игр. Сочетание исторического анализа и теории игр позволило мне отдать должное разнообразию возможных систем правил, убеждений, норм и организаций и при этом аналитически ограничить и эмпирически оценить набор приемлемых институтов и результатов.

Более того, этот подход открывает новые пути изучения сложных вопросов институциональной динамики. Каким образом институты влияют на последующее институциональное и историческое развитие? У экономистов принято считать, что институциональная динамика отражает оптимальные реакции тех, кто принимает решения, на текущие и ожидаемые условия. Однако социологи, работающие в других дисциплинах, и историки утверждают, что институциональная динамика отражает исторические связи. Каждая сторона в этом споре улавливает потенциально важный аспект реальности, но ни одна из данных позиций не является удовлетворительной. При рассмотрении институтов в предлагаемой здесь более широкой перспективе и при комбинировании исторического и микроаналитического аппаратов мы можем перекинуть мостик между этими двумя подходами. Есть возможность лучше понять, когда и почему институт сохраняется в меняющемся окружении, каким образом он запускает процессы, ведущие к его упадку, и как институты прошлого (возможно, даже те из них, которые больше не воздействуют на поведение) влияют на последующие институты.

Формирование и следствия определенных убеждений, норм и организаций (социальных структур) широко изучались не в экономике, а в таких дисциплинах, как социология, политология и когнитивные науки. Соответственно данная книга построена на аналитических и концептуальных подходах, разработанных за рамками экономики. Что особенно подчеркивает преимущества соединения изучения институтов в том виде, в котором оно ведется в мейнстримной экономике, с изучением социальных и культурных факторов методами социологии. Сосредоточив внимание на убеждениях, нормах и организациях, которые всегда были предметом социологического анализа, эта работа становится частью социологического поворота в институциональном анализе в экономике. Социологические переменные применяются для объяснения имеющегося разнообразия институциональных форм и развития.

Моя попытка глубже понять конкретный исторический эпизод призвана внести вклад в совершенствование институционального анализа. Многие представители общественных наук утверждают, что институты важны и что институциональная динамика представляет собой исторический процесс. Соответственно изучение институтов и их динамики игра-

ет ключевую роль в понимании причин неравномерного распределения благ между различными обществами и внутри каждого из них, а также в поисках ответа на вопрос, что можно сделать для улучшения ситуации. Аппарат, представленный в этой книге, позволяет успешнее проводить сравнительный анализ институциональных основ рынков и политических структур прошлого и современности, а также их динамики.

Поскольку эта книга содержит анализ конкретного исторического эпизода и формирует общий подход к изучению институтов, в ней есть несколько взаимно пересекающихся составляющих.

Первая составляющая — это детальное исследование институтов, лежавших в основе рынков и политических структур в период зрелого Средневековья. Вторая — сравнительный анализ институтов в европейском и мусульманском мире в тот период. Третья — концептуальный, аналитический (в особенности основанный на теории игр) и эмпирический подход к изучению институтов и их эндогенной динамики. Собственно анализ отдельных институтов представлен в данной книге в качестве иллюстрации основных аспектов этого подхода.

Таким образом, это многоплановая книга, и существует много способов ее чтения. Некоторые будут читать ее как теорию экономических и политических институтов, в которой изучение исторических примеров призвано иллюстрировать отдельные теоретические положения.

Кому-то она объяснит, почему и как мы должны ввести эндогенную динамику в институциональный анализ или почему полезен анализ конкретных случаев, контекстуальный и основанный на теории.

Одни будут читать эту книгу как сравнительное исследование институциональных основ рынков и государств зрелого Средневековья в европейском и мусульманском мире, которое укрепит наше понимание этого исторического периода и его динамики. Другие — как исследование взаимосвязей между институциональным развитием и культурной и социальной эволюцией или как призыв к расширению институционального анализа в экономике путем включения в него культурных и социальных факторов.

Для одних она станет подтверждением применимости теории игр к эмпирическому институциональному анализу, другие увидят в ней историю социальной науки. А для меня эта книга — попытка лучше понять конкретный исторический эпизод и благодаря этому больше узнать об институтах в целом.

В профессиональном плане написанием этой книги я больше всего обязан двум моим учителям — Джоэлу Мокиру и Дугласу Нортю. Джоэл и Дуг потратили много времени, чтобы воодушевить меня, поддержать и снабдить подробными замечаниями. Их вера в этот проект способствовала его реализации.

Масахико Аоки, Рэндалл Калверт, Филип Т. Хоффман, Тимур Куран, Дэвид Лейтин, Стив Таделис, Барри Вайнгаст и Оливер Уильямсон также подробно комментировали различные редакции этой работы. Кроме того, мне бы хотелось воспользоваться случаем и поблагодарить в этом предисловии Элхана Хелпмана, который оказывал влияние на мое профессиональное развитие начиная со студенческих лет.

При работе над книгой мне посчастливилось воспользоваться особенно благоприятной атмосферой Стэнфордского университета. Я извлек для себя большую пользу из общения, поощрения и ценных замечаний относительно данного проекта, полученных от членов групп сравнительного институционального анализа и экономической истории, в частности от Масахико Аоки, Пола Дэвида, Марселя Фафшампа, Пола Милгрона, Стива Таделиса, Индзи Киана и Гэвина Райта.

Многие другие ученые, работающие в Стэнфордском университете в области изучения институтов, также оказали разноплановое влияние на данный проект. Особенно полезной оказалась помощь Джеймса Д. Фирона, Джона В. Мейера, Стивена Хейбера, Стефана Д. Карснера, Дэвида Лейтина и Роберта Пауэлла. Пол Милгром, Барри Вайнгаст и Дэвид Лейтин вместе со мной работали над проектами, из которых выросла эта книга и которые позднее стали ее частью. При работе над рукописью мне посчастливилось сотрудничать и многому научиться у Роберта Бейтса, Маргарет Леви, Жана-Лорана Розенталя и Барри Вайнгаста — моих соавторов по «Аналитическим нарративам».

Несколько организаций спонсировали конференции и семинары, на которых мне удалось получить важные отзывы на рукопись. Среди этих организаций — Центр новой институциональной социальной науки при Университете Вашингтона, Центр по изучению экономики и общества в Корнельском университете, Центр Меркатус при Университете Джорджа Мейсона и Liberty Fund, а также Канадский институт передовых исследований. Организаторами этих мероприятий были Итаи Сенед, Виктор Ни и Ричард Сведберг, Пол С. Эдвардс и Брайен Хукс, а также Эльханан Хелпман.

Я также извлек огромную пользу из выступлений участников конференций и семинаров, среди которых были, в частности, Ли Бенхэм, Питер Дж. Бёттке, Рэндалл Калвер, Брюс Каррузерс, Стэнли Ингерман, Филип Т. Хоффман, Джек Голдстоун, Дэвид Харборд, Джек Найт, Майкл Мейси, Чаки Моригучи, Гэри Миллер, Джон В. Най.

Кроме того, мне представили свои ценные замечания Норман Шофилд, Авинаш Диксит, Трауинн Эггертссон, Стив А. Эпштейн, Генри Фаррел, Джудит Голдштейн, Питер Гуревич, Ярон Грейф, Леонард Хохберг, Джеффри Роджерс Хаммел, Питер Каценштейн, Маргарет Леви, Бентли Маклеод, Крис Мантцавинос, Тетсуи Оказаки, Дэниэл Поснер,

Джон Пенкейвел, Роберт Пауэлл, Рудольф Рихтер, Джерард Роланд, Энди Раттен, Кеннет Шепсли, Шанкар Сатинат, Кэтлин Телен и Кэролин Уорнер.

Большой вклад в представленные в этой книге исследования внесла квалифицированная помощь со стороны Саумитры Джа, Навина Картика, Наамы Моран, Лучии Тедеско и Джоан Юн. Кроме того, я в долгу перед моими студентами и аспирантами, среди которых Курт Аннен, Грегори Бешаров, Рё Камбайаши, Киванк Караман, Альдо Музаккио, Му Ян Ли, Несе Илдиц и Пай-Лин Ин, за те уроки, которые они мне преподали.

Гранты от Национального научного фонда, стипендии Фонда Макаруров и Канадского института передовых исследований и поддержка от Стэнфордского центра гуманитарных наук и Центра передовых исследований в области поведенческих наук в Стэнфорде дали мне ресурсы и время для завершения данной работы.

Моя ассистентка Дебора Джонстон оказала мне неоценимую поддержку, просматривая бесконечные варианты рукописи. Барбара Карни, благодаря своему таланту редактора, сделала многое для того, чтобы содержание книги стало более доступным. Большое спасибо коллективу издательства «Cambridge University Press» — Льюису Бейтману, Брайену Р. Макдоналду и Эрику Шварцу — за огромную помощь.

Неиссякаемая энергия и выдающийся интеллект моей матери Коки Леи Грейф всегда были для меня источником вдохновения. И наконец, но не в последнюю очередь, я в долгу перед моей женой Эстер Грейф и нашими детьми Ади, Яроном и Ариэль, которые были рядом со мной в годы работы над рукописью. Они постоянно оказывали мне поддержку и вдохновляли меня, и я высоко ценю те личные жертвы, на которые они с готовностью пошли, чтобы дать мне возможность завершить работу.

Различные главы этой книги основаны на ранее опубликованных материалах.

Главы III и IX основаны на работах «Репутация и коалиции в средневековой торговле: свидетельства о магрибских торговцах» (*Journal of Economic History*, 1989) с разрешения Ассоциации экономической истории; «Обеспечение исполнения контрактов и экономические институты в ранней торговле: коалиция магрибских торговцев» (*American Economic Review*, 1993) с разрешения Американской экономической ассоциации; «Обеспечение исполнения контрактов и экономические институты в ранней торговле: уроки торговой революции» (*American Economic Review*, 1992) с разрешения Американской экономической ассоциации; а также «Культурные убеждения и организация общества: исторические и теоретические размышления о коллективистских и индивидуалистских обществах» (*Journal of Political Economy*, 1994) с соответствующего разрешения.

В измененном виде глава VI публиковалась под заглавием «Теория эндогенных институциональных изменений» (в соавторстве с Дэвидом Лейтиным; *American Political Science Review*, 2004) с разрешения *American Political Science Review*.

Глава VIII основана на работе «Самоподдерживающиеся политические системы и экономический рост: Генуя в период позднего Средневековья» (*Analytic Narratives*, 1998) с разрешения *Princeton University Press*.

Глава X написана на основе работ «Институциональный и безличный обмен от общинной к индивидуальной ответственности» (*Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 2000) с разрешения *Springer Publishing Group*, «Обезличенный обмен в отсутствие беспристрастного закона: система коллективной ответственности» (*Chicago Journal of International Law*, 2004, vol. 5, no. 1, p. 109–138) с разрешения журнала.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Введение

Рубеус де Кампо из Генуи 28 марта 1210 г. согласился заплатить долг в 100 марок серебром в Лондоне по поручению Вивиана Йордана из Лукки. В этом соглашении нет ничего необычного — существуют свидетельства, что по всей Европе в данный период заключались тысячи подобных договоров. Между тем эта сделка косвенно показывает, что Рубеус жил в период заметного экономического роста, проявлявшегося в урбанизации, увеличении численности населения, капитальных инвестиций и изменении схемы торговли.

Во-первых, это соглашение иллюстрирует хорошее функционирование рынков. Институциональные основы этих рынков были таковы, что торговцы поручали агентам вести свои дела за границей даже без юридически оформленных контрактов. Среди торговцев из отдаленных концов Европы было распространено обезличенное одалживание денег, а права собственности были достаточно защищены, чтобы торговцы со своими богатствами могли ездить за границу.

Во-вторых, этот договор свидетельствует о хорошем функционировании политических структур. Их институциональные основы в Европе того времени способствовали проведению политики, результатом которой должно стать экономическое процветание. Рубеус заключил свое соглашение в Генуэзской республике, которая была основана за сто лет до этого, но уже тогда проводила политику, превратившую ее в оживленный центр торговли.

Чтобы понять, как и почему такое функционирование рынков и государств сложилось в разные исторические эпохи и что вело к их сохранению или упадку, мы должны исследовать их институциональные основы.

Изучение институтов проясняет, почему одни страны богаты, а другие — нет, почему в одних странах благодаря политическому порядку растет благосостояние, а в других — нет. Полезные для общества институты способствуют сотрудничеству и действиям, увеличивающим благосостояние. Они создают фундамент рынков путем эффективного распределения, защиты и изменения прав собственности, обеспечения гарантий по контрактам и мотивирования специализации и обмена.

Хорошие институты также поощряют производство, благоприятствуя сбережениям, инвестициям в человеческий и физический капитал, развитию и применению полезных знаний. Они укреплывают мир, способ-

ствующий благосостоянию, поддерживают постоянные темпы роста населения, совместную мобилизацию ресурсов и полезную для общества политику — например, предоставление общественных благ.

Качество таких институциональных основ экономики и политического устройства существенно влияет на уровень благосостояния общества. Это происходит потому, что без соответствующих институтов индивиды не всегда сознают, в чем состоит общественное благо, либо не всегда мотивированы в стремлении к нему.

Таким образом, центральный вопрос социальных наук и истории можно сформулировать так: почему у эволюции обществ разные пути развития институтов и почему некоторые общества не в состоянии позаимствовать институты обществ с более успешной экономикой?

Данная книга рассматривает этот вопрос с учетом эволюции отдельных обществ, опираясь на подробные исторические исследования.

Во-первых, она дает унифицированную концепцию термина «институт», объединяющую многие внешне противоречивые определения, преобладающие в литературе.

Во-вторых, она исследует институты на уровне взаимодействия индивидов, при этом изучая, как институционализированные правила поведения выполняются даже в отсутствие внешнего принуждения.

В-третьих, данная работа предлагает унифицированный концептуальный и аналитический подход к изучению действия институтов, их внутреннего изменения и воздействия институтов прошлого на последующие.

Наконец, она утверждает, что институциональный анализ должен выйти за рамки традиционных эмпирических методов общественных наук, опирающихся на дедуктивную теорию и статистический анализ. В книге разрабатывается дополняющий их метод, основанный на интерактивном, контекстуальном анализе. Главная особенность этого метода — использование теории, моделирования и знания исторического контекста, с тем чтобы идентифицировать институт, выяснить его происхождение и понять, каким образом он сохраняется и изменяется.

Этот новый взгляд показывает, что такое институты, как они возникают, как их можно изучать эмпирически и какие силы оказывают влияние на их стабильность и изменение. Данный подход объясняет, почему и как институты испытывают влияние прошлого, почему они могут иногда меняться, почему они сильно отличаются в разных обществах и почему так трудно разработать политику, направленную на их изменение.

Книга иллюстрирует применимость такого подхода посредством анализа ключевых вопросов истории средневековой экономики. Относительная неспособность общепринятых методов институционального анализа решить эти вопросы привела к разработке изложенного здесь

подхода. В данной работе предлагается сравнительный и исторический анализ институтов в европейском (латинском) и мусульманском (средиземноморском) мирах.

Анализ сосредоточен на эпохе зрелого Средневековья, потому что именно тогда Европа начала восхождение к экономической и политической гегемонии. Уже в этот ранний период институциональные различия внутри Европы и между ней и мусульманским миром сформировались и привели к существенным последствиям. Это свидетельствует об институциональных истоках последующего европейского доминирования и внутриевропейских различий.

Данная глава состоит из четырех разделов. В разделе 1 дается краткий обзор различных направлений институционального анализа в рамках экономической науки, с тем чтобы показать их ограничения. В нем утверждается, что для углубления наших знаний об отношениях между институтами и благосостоянием нужно решить три частные проблемы.

Раздел 2 кратко объясняет, как с этими проблемами справляется сравнительно-исторический институциональный анализ, как он связан с другими направлениями институционального анализа, особенно с выходящими за рамки экономической науки. В этом разделе также показано, почему институциональный анализ требует выхода за рамки эмпирических методов, распространенных в социальных науках, и дается набросок дополняющего эмпирического метода, разработанного в данной книге.

В разделе 3 разъясняется, почему в центре данной работы оказалось развитие институтов в Европе и в мусульманском мире в эпоху зрелого Средневековья.

В разделе 4 дается обзор структуры книги и основных вопросов, затрагиваемых в эмпирических главах.

1. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТОВ

Общества обладают разными «технологическими» особенностями, такими как географическое положение, накопленный объем знаний и запас капитала. Эти различия отражаются на экономических результатах. Кроме того, общества обладают разными нетехнологическими особенностями, такими как законы и способы их исполнения, формы распределения и защиты прав собственности, а также уровни коррупции и доверия. Такие нетехнологические характеристики принято называть институтами. Я буду придерживаться этого названия до тех пор, пока не дам новое определение институтам и их отношениям с такими нетехнологическими особенностями.

Экономическая теория утверждает, что различия в институтах должны влиять на судьбы экономики, потому что они воздействуют на ре-

шения, касающиеся труда, сбережений, инвестиций, инноваций, производства и обмена. Эконометрические исследования показали, что эти различия действительно оказывают такое влияние. Результаты проведенных исследований не окончательны, однако они указывают, что гарантированное право собственности, правопорядок и доверие коррелируют с лучшими экономическими результатами [Hall R., Jones, 1999; Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001; Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2003; Zak, Knack, 2001].

Эконометрический анализ и рассмотрение отдельных случаев также показывают исторические истоки различий в нетехнологических особенностях обществ. Эти различия могут отражать культурное прошлое, структуру общества и власти, а также, например, средневековые республиканские политические традиции [Greif, 1994a; Glaeser, Shleifer, 2002; Putnam, 1993; Патнэм, 1996]. В развивающихся странах такие различия отражают обстановку в момент колонизации [Acemoglu et al., 2001], специфику державы-колонизатора [North, 1981] и первоначальное распределение богатств [Engerman, Sokoloff, 1997].

Однако эти результаты — только начало исследований, ставящих своей целью понимание институтов. Понимание причинно-следственного механизма, стоящего за этими гипотезами, не должно ограничиваться установлением корреляций между масштабами присутствия нетехнологических факторов и значениями объясняемых переменных. Необходимо изучить, как у взаимодействующих индивидов формируются мотивы и возможность вести себя так, чтобы это проявлялось в соответствующих значениях показателей.

Полезно знать, например, что коррупция сокращает объем инвестиций, но это открытие не объясняет, что побуждает людей вести себя коррумпированно и позволяет им делать это. Аналогично установление корреляции между защищенностью прав собственности и интересующими нас результатами не объясняет, почему эта защищенность не всегда и не везде одинакова.

Для понимания того, как обеспечивается защищенность прав собственности, необходимо знать, почему те, кто физически может злоупотребить правами, воздерживаются от подобных действий. Аналогично обнаружение корреляций между историческими событиями и нетехнологическими особенностями не объясняет, как и почему институты прошлого оказывают влияние на развитие последующих.

Понимание воздействия, сохранения и изменения нетехнологических особенностей требует изучения микромеханизмов, стоящих за их возникновением, стабильностью и динамикой на уровне взаимодействующих индивидов. Для этого, в частности, необходимо рассмотреть *мотивацию* (стимулы) этих индивидов для совершения действий, ведущих к

появлению таких нетехнологических особенностей или проявляющих себя в них.

Однако основной концептуальный и аналитический аппарат, используемый в экономическом неинституционализме, не рассматривает такую мотивацию. Он часто отождествляет экономические институты с определенными политическими правилами, которые государство спускает сверху экономическим агентам. Эти правила управляют экономической жизнью, например, наделяя правами собственности и устанавливая размер налогов. Политические институты — правила, регулирующие избрание лидеров и коллективное принятие решений. Поэтому политические организации, такие как группы интересов и профсоюзы, занимают в анализе центральное место. Политические институты и организации важны, потому что экономические институты устанавливаются и изменяются в ходе политического процесса [North, 1981, 1990; Норт, 1997; Barzel, 1989; Sened, 1997; Grossman G., Helpman, 2002]. Экономическая теория транзакционных издержек дополняет этот анализ. Она утверждает, что экономические агенты, реагируя на правила, выбирают контракты и с их помощью также создают организации, чтобы минимизировать транзакционные издержки [Coase, 1937; Коуз, 2007; Williamson O., 1985, 1996; Уильямсон, 1996].

Идея институтов как правил очень полезна для изучения различных вопросов, например, для правил, предпочитаемых политиками, и договорных форм, минимизирующих транзакционные издержки. И все же поведенческие предписания — правила и контракты — это не более чем инструкции, которые можно игнорировать. Чтобы предписывающие правила поведения возымели действие, у индивидов должна быть мотивация их соблюдать. Мотивация выполняет роль посредника между средой и поведением, будь то рациональное, подражательное или привычное поведение. Под мотивацией я в данном случае понимаю стимулы в широком смысле слова, включающие в себя ожидания, убеждения и интернализированные нормы.

Идея институтов как правил, однако, не очень подходит для рассмотрения мотивации выполнения поведенческих инструкций, воплощенных в правилах и контрактах. В первом приближении (в различных аналитических целях) можно ограничиться утверждением, что люди следуют правилу поведения, потому что другие правила оговаривают наказание за его нарушение. Но подобное утверждение лишь отбрасывает обсуждение вопроса об эффективности институтов на шаг назад, предполагая, что те, кто призван обеспечивать выполнение правил, это делают. Почему так происходит? Кто сторожит самих сторожей?

Чтобы понимать поведение, мы должны знать, почему некоторые поведенческие правила, возникшие внутри или за пределами государства,

выполняются, тогда как другие игнорируются, а это невозможно в рамках анализа, считающего мотивацию экзогенной. Всеобъемлющее понимание предписывающих или описывающих правил требует изучения того, как создается мотивация для следования определенным правилам поведения.

Рассмотрение мотивации на уровне взаимодействующих индивидов как эндогенной имеет ключевое значение для решения многих важных вопросов. Оно имеет ключевое значение для понимания того, что называют «частным порядком», — ситуаций, в которых порядок существует, несмотря на отсутствие третьей стороны, занимающейся его обеспечением.

В таких ситуациях наличие порядка или его отсутствие отражают поведение взаимодействующих индивидов, а не то, что происходит между ними и третьей стороной. Порядок с некоторыми гарантиями прав собственности и обмена порой существует там, где нет государства, когда экономические агенты ожидают, что государство займется экспроприацией, а не защитой их собственности, или когда государство не желает или неспособно гарантировать права собственности и обеспечить исполнение контрактов. Частный порядок сохраняет свое значение даже в современной рыночной экономике с эффективными государствами.

Поскольку институты отражают действия людей, мы должны в конечном счете изучать их как частный порядок, даже когда существует государство. Рассматривая институты как правила, иногда в целях анализа полезно допустить, что государство обладает монополией на принуждение и может обеспечивать выполнение правил. Но политический порядок и эффективное государство и сами являются результатами. Политические деятели могут прибегать и иногда прибегают к насилию и наращивают свою способность к принуждению, использование которого может привести к политическому беспорядку или революции. Изучение политического порядка или беспорядка требует рассмотрения имеющейся у политических деятелей мотивации подчиняться отдельным правилам. Более того, эффективность санкционированных государством правил зависит от мотивации агентов, принадлежащих к бюрократии или судебным органам, обеспечивать исполнение данных правил. Для понимания влияния государства нужно изучить мотивацию задействованных агентов. Другими словами, всеобъемлющее понимание политического порядка или его отсутствия, а также поведения агентов государства требует рассмотрения мотивации, которая влияет на поведение соответствующих индивидов.

Помимо ограниченной способности изучать мотивацию подход, рассматривающий институты как правила, также имеет ограничения в случае анализа институциональной динамики. Объясняя стабильность институтов и их изменение, он фокусируется лишь на важном, но не исчерпывающем влиянии политики и эффективности. Когда институты

отождествляются с политически разработанными правилами или эффективными контрактами, институциональные изменения начинают рассматриваться как результат экзогенного изменения интересов или знаний политических деятелей, которые устанавливают правила или эффективные контракты [Weingast, 1996; Williamson O., 1985; Уильямсон, 1996]. Институты вносят свой вклад в эти изменения лишь в той степени, в какой они изменяют интересы и знания, поддерживающие существующие правила или контракты.

Сохранение институтов связывалось главным образом с трудностями в процессе институциональной корректировки (например, с издержками изменения правил) или с воздействием экзогенных неформальных институтов, таких как обычаи и традиции. Подобные неформальные институты считаются культурными особенностями, скорость изменений которых так мала, что их можно не учитывать [North, 1990; Норт, 1997]. Здесь многое нуждается в объяснении, потому что сохранение и изменение приписываются силам, отличным от изучаемого института [Williamson O., 1998, 2000].

Для распространения анализа институтов на изучение эндогенной мотивации широко применялась классическая теория игр. Она рассматривает ситуации, которые являются стратегическими, т.е. оптимальное поведение одного игрока зависит от поведения других. Анализ с применением теории игр начинается с определения набора имеющихся у каждого игрока возможных действий и информации, а также выигрышей, которые он получает при любой комбинации действий, предпринимаемых всеми игроками.

С учетом этих правил игры классическая теория игр фокусируется главным образом на равновесии, при котором каждый из принимающих решения верно оценивает поведение других и считает оптимальным совершение действия, которого от него ожидают. (Основные понятия теории игр объясняются в Приложении А.) Такой подход позволяет рассматривать эндогенно мотивированное поведение; будучи мотивированным действующим и ожидаемым поведением всех остальных игроков, каждый игрок избирает равновесное поведение. Теория игр, таким образом, позволяет изучать отношения между правилами игры и самоподдерживающимся (*self-enforcing*) поведением.

В частности, экономисты использовали анализ равновесия в теории игр, чтобы понять, почему индивиды придерживаются определенных правил. Подобный анализ применялся к изучению частного порядка — например, того, при котором права собственности гарантированы, а контракты выполняются в отсутствие эффективной правовой системы, управляемой государством [Williamson O., 1985; Уильямсон, 1996; Greif, 1989, 1993; Ellickson, 1991; Dixit, 2004].

Соответствующие исследования изучают эндогенную мотивацию соблюдения различных контрактов, несмотря на информационную асимметрию или ограниченные возможности обеспечения их исполнения [Townsend, 1979; Hart, Holmstrom, 1987; Hart, Moore, 1999]. При подходе с использованием теории игр институты рассматриваются либо как равновесие [Schotter 1981; Greif, 1993; Calvert, 1995], либо как общие убеждения, мотивирующие игру с равновесием [Greif, 1994a; Aoki, 2001], либо как правила игры [North, 1990; Норт, 1997].

Однако при таком определении институтов классическая теория игр не дает адекватного аналитического аппарата для изучения институциональной динамики (сил, вызывающих изменения институтов, и влияния институтов прошлого на последующие). Строго говоря, в классической теории игр настоящее и будущее поведение игроков является отражением заранее определенной стратегии. Тогда любое поведение является направленным вперед, хотя оно может быть обусловлено событиями прошлого. Более того, поскольку это поведение представляет собой равновесие, не существует эндогенных сил, заставляющих институты меняться. Экзогенные институциональные изменения могут произойти, когда меняются правила игры, например, в результате появления новой технологии, но изучение эндогенного изменения несовместимо с рассмотрением институтов как равновесия.

Более того, теория игр показывает, что в данной игре обычно возможно множество равновесий или самоподдерживающихся моделей поведения. Попытки разработать в теории игр концепцию равновесия, предсказывающую единственный исход во всех играх, провалились для повторяющихся ситуаций, которые находятся в центре внимания институционального анализа.

Теория игр не устанавливает связей между поведением в одной игре и поведением в исторически следующей за ней. В новой игре, даже если ее отличия от предшествующей минимальны, все равновесия одинаково вероятны, независимо от происшедшего в предыдущей игре. Если институты рассматриваются как равновесия в играх или предпочтения их участников, мы не можем исследовать воздействие институтов прошлого на последующие.

Если институциональный анализ начинается с игры и рассматривается равновесное поведение внутри нее, то многое из того, что требует объяснения, принимается как данность. Почему вопреки сходным технологическим возможностям в разных обществах играют в разные игры? Утверждение, что отдельная игра является равновесным результатом в более масштабной метаигре, правила которой отражают только атрибуты имеющихся технологий и физический мир, полезно, но неудовлетворительно, потому что отбрасывает вопрос о происхождении институтов

на шаг назад. Каково происхождение этой метаигры? Теория, которая делает возможным изучение эндогенных мотиваций, недостаточна для анализа институциональной динамики.

Наконец, спецификация и решение игры требуют сильных допущений относительно общих моделей познания и рациональности у игроков. Начиная анализ с игры, мы, таким образом, игнорируем возможную роль институтов в создании знания, познании и в направлении рациональности. Важность таких ролей институтов, однако, подчеркивается в литературе старого институционализма. В ней убедительно показывается, что главная причина существования институтов заключается в том, что индивиды никогда не бывают полностью рациональными и не обладают идеальным общим знанием ситуации [Veblen 1899; Веблен, 1984; Mitchell, 1925; Commons, 1924; Коммонс, 2011; Hayek, 1937; Хайек, 2011].

Инкорпорирование тезисов старого институционализма об ограниченной рациональности и познании в изучение институтов и институциональной динамики является центральной задачей эволюционного институционализма, который в значительной степени опирается на эволюционную теорию игр. Этот подход отождествляет институты с особенностями взаимодействующих индивидов (чертами поведения, привычками, рутинными действиями, предпочтениями и нормами) и изучает, как эволюционные силы в сочетании с изменениями, подражанием и случайными экспериментами влияют на долговременное равновесное распределение этих особенностей [Ullmann-Margalit, 1977; Nelson, Winter, 1982; Sugden, 1989; Kandori, Mailath, Rob, 1993; Weibull, 1995; Kandori, 1997; Young, 1998; Hodgson G., 1998; Gintis, 2000].

Обходя вопрос о мотивации и приписывая изменения в поведении эволюционным силам, эволюционный подход сглаживает недостатки классической теории игр, возникающие в исследованиях институциональной динамики. Но аналитический аппарат этого подхода ограничивает его применение. Процессы экспериментирования, изменения и обучения, которые подталкивают процесс институциональных изменений, рассматриваются как экзогенные по отношению к анализу. Как отмечает Дэвид [David, 1994, p. 208], «собственно работа эволюционного процесса... осталась обрисована в лучшем случае в схематическом виде». Более того, по техническим причинам анализ часто прибегает к крайним допущениям касательно человеческой природы. Считается, что индивиды полностью близоруки, не способны узнать тех, с кем взаимодействовали в прошлом, не способны выбирать, с кем взаимодействовать, не могут координировать свое поведение и в целом не способны структурировать свое окружение. Такие допущения дают недостаточные микроосновы для эволюционных процессов в человеческих обществах.

Даже этот краткий обзор позволяет увидеть, что в экономике существует множество определений институтов (то же самое происходит в социологии и политических науках). Эти определения считались взаимоисключающими. Подход к институтам как к правилам определяет их в основном как правила, организации и контракты. Ученые, использующие классическую теорию игр, определяют институты как правила игры, равновесие или общие убеждения, мотивирующие игру равновесия, тогда как приверженцы эволюционного институционализма отождествляют институты с атрибутами равновесия взаимодействующих индивидов, такими как особенности поведения, привычки, рутинные практики, предпочтения и нормы.

Более того, ведутся дебаты вокруг степени выбора, которой обладают индивиды в обществе при отборе своих институтов. Структурный (культурный) взгляд, распространенный в социологии и старом институционализме, подчеркивает, что институты превосходят индивидуальных акторов и являются неизменными культурными особенностями обществ, определяющими поведение [Sewell, 1992; Scott, 1995; Dugger, 1990]. Функционалистский подход, распространенный в экономике и неоинституционализме, подчеркивает, что индивиды создают институты для выполнения различных функций. Институты лучше изучать с функционалистской точки зрения, которая признает, что они отвечают определенным интересам и нуждам.

Внутри каждого из этих подходов ученые выдвигают разные утверждения касательно сил, оказывающих влияние на институты и их динамику. Некоторые из тех, кто принимает функционалистскую точку зрения, например, постулируют, что институты отражают соображения эффективности, тогда как другие подчеркивают важность проблем распределения или желание социального статуса или политического контроля. Некоторые утверждают, что институты отражают непреднамеренные результаты взаимодействий между индивидами с ограниченной рациональностью и когнитивными способностями, тогда как другие полагают, что институты отражают интенциональные реакции рациональных, заботящихся о своем будущем индивидов [Schotter, 1981; Williamson O., 1985; Уильямсон, 1996; North, 1991; Knight, 1992; Acemoglu et al., 2001].

Рассматривая различные определения институтов как взаимоисключающие и начиная их анализ, основываясь на различных допущениях, касающихся их природы и формирующих их сил, мы сдерживаем развитие институционального анализа. Каждое из допущений отражает разные, хотя и важные аспекты реальности. Иногда при рассмотрении вопроса удобнее считать институты экзогенными структурами; в другой раз их лучше рассматривать как эндогенные по отношению к взаимодействующим индивидам; в третьем случае удобнее видеть в них отра-

жение действий и интересов каких-то определенных индивидов. Таким образом, не следует утверждать, что для изучения институтов всегда подходит либо структурная, либо функциональная точка зрения.

Для развития институционального анализа нам нужен концептуальный и аналитический подход, который интегрировал бы различные направления институционального анализа и позволял бы учитывать факторы, силы и соображения, акцентируемые каждым из них.

Говоря более обобщенно, наш обзор показывает, что попытка институционалистов исследовать отношения между институтами и благосостоянием должна решить три взаимосвязанные проблемы:

- разработать обобщающую концепцию институтов, которая использует гипотезы и аналитический подход, взятые из внешне противоречивых направлений институционального анализа;
- изучить институты на уровне взаимодействующих индивидов, рассматривая мотивацию следования определенным правилам поведения как неотъемлемую часть анализа;
- предложить единый концептуальный и аналитический аппарат для изучения существования подобных институтов, эндогенных институциональных изменений и воздействия прошлых институтов на их последующее развитие.

2. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТОВ

Эта книга предлагает новый подход, нацеленный на решение проблем интеграции, мотивации и динамики на основе и с использованием предшествующих направлений институционального анализа. Отталкиваясь от многообразия наблюдаемых путей институционального развития, она исследует происхождение и следствия этого разнообразия, сочетая эксплицитный аналитический аппарат с контекстуальной, исторической информацией. Я называю такой институциональный анализ сравнительно-историческим.

Чтобы справиться с тремя проблемами, указанными в разделе 1, представленный здесь подход отступает от двух практик, преобладавших в институциональном анализе. Во-первых, он отходит от практики определения института как монолитного образования. Как мы видели, институты определялись самым разным образом, но все определения рассматривают их либо как правила, правила игры, убеждения, нормы, либо как особенности поведения.

Вместо этого сравнительно-исторический подход признает, что институты не являются монолитными образованиями, а состоят из взаимосвязанных, но разных компонентов, в частности, правил, убеждений и норм, которые иногда выражаются в деятельности организаций. Эти

институциональные элементы экзогенны по отношению к каждому индивиду, на поведение которого они влияют. Они предоставляют индивидам когнитивные, кооперативные, нормативные и информационные микроосновы для того или иного поведения, поскольку делают возможным, направляют и мотивируют определенное поведение.

Во-вторых, разработанный здесь подход отказывается от рассмотрения институтов либо в структурной, культурной перспективе (как это принято в социологии), либо в агентской, функционалистской перспективе (распространенной в экономике). Вместо этого он сочетает структурный и агентский подходы. Он подчеркивает важность изучения институтов как феномена равновесия, в котором они образуют структуру, влияющую на поведение, тогда как поведенческие реакции агентов на эту структуру воспроизводят институт. При изучении институтов как феноменов равновесия я не рассматриваю ни игры, ни институты в качестве базовой единицы институционального анализа. Скорее, я развиваю особое понятие транзакций и рассматриваю их в качестве базовых единиц институционального анализа.

Иными словами, институты изучаются с точки зрения равновесия, при этом признается, что они не являются монолитными единицами, а базовыми единицами анализа считаются транзакции. Эти предпосылки позволяют мне выдвинуть обобщающую концепцию институтов, которая объясняет, почему они оказывают такое глубокое влияние на поведение и являются независимым фактором институциональной динамики. Это позволяет изучать последнюю как исторический процесс, в котором прошлые институты определяют моменты начала институциональных перемен и их характер и особенности и последствия новых институтов. Детальное описание этого вклада выходит за рамки данного введения; в дальнейшем будут просто выделены базовые отношения между указанными предпосылками и их значением.

Выдвинутое здесь обобщенное определение институтов ограничивает область анализа главным образом за счет требования того, чтобы институциональный элемент был результатом равновесия, экзогенным по отношению к каждому индивиду, на чье поведение он влияет. Так, оно признает, что институты состоят из разных компонентов; это определение охватывает множество внешне противоречивых определений институтов (как правил, исполнение которых обеспечивается государством, или как систем убеждений) как частные случаи. Оно позволяет учитывать, что институты могут иметь разное происхождение и выполнять разные функции. Таким образом, это позволяет строить теорию на гипотезах и аналитическом аппарате, разработанном, казалось бы, совершенно различными направлениями институционального анализа. Полезность предложенного здесь определения в том, что в книге оно находит применение в эмпирическом изучении самых разных вопросов.

Сходным образом принятая здесь перспектива позволяет обратиться к проблеме изучения эндогенной мотивации, интегрируя функциональный и структурный подходы. Она позволяет нам изучать в самом общем случае *эндогенные* институты — те, что являются *самоподдерживающимися*. В самоподдерживающихся институтах все мотивации обеспечиваются эндогенно. Каждый индивид, реагируя на институциональные элементы, задаваемые поведением других индивидов и ожидаемым поведением, ведет себя таким образом, что его поведение позволяет, направляет и побуждает других вести себя так, чтобы возникали институциональные элементы, которые как раз и породили поведение индивида. Поведение является самоподдерживающимся, поскольку каждый индивид, принимая структуру как данность, полагает, что лучше всего придерживаться институционализованного поведения, которое, в свою очередь, воспроизводит институт — в том смысле, что предполагаемое поведение подтверждает связанные с ним убеждения и воссоздает связанные с ним нормы.

Изучение институтов как равновесного феномена, а также сил, помогающих им самоподдерживаться, дает возможность увидеть экзогенные шоки, ведущие к разрушению этой способности к самоподдержанию и краху институтов.

Однако предлагаемый здесь подход позволяет достичь большего. Благодаря ему мы можем изучать институциональную динамику как *исторический процесс*. Институты могут оставаться стабильными в меняющемся окружении и могут меняться в отсутствие его изменений, тогда как прошлые институты, даже те, что больше не являются самоподдерживающимися, в состоянии влиять на особенности последующих.

Для изучения стабильности и изменения при помощи одного и того же аппарата необходимо признать, что институциональные элементы составляют микроосновы поведения и что институты являются равновесным феноменом. Это позволяет изучать как сохранение институтов в меняющемся окружении, так и эндогенное изменение в стабильном окружении. Ведь для того чтобы индивид выбрал поведение, он должен обладать соответствующей информацией, когнитивной моделью и способностью предвосхищать поведение других. Индивиды также стремятся, чтобы им указали, какое поведение является морально одобряемым и социально приемлемым. Институциональные элементы обеспечивают эти когнитивные, координационные, нормативные и информационные микроосновы поведения.

В то же время обращенные в прошлое и ограниченно рациональные, но заботящиеся о будущем индивиды реагируют на поведенческие и нормативные предписания от институциональных элементов, основан-

ных на частной информации, знании и врожденных предпочтениях. В ситуациях, в которых институты порождают поведение, институциональные элементы образуют равновесный феномен, который собирает в одно целое эти особенности ситуации.

Таким образом, при определенных условиях институты могут сохраняться в меняющемся окружении. Это происходит потому, что индивиды часто считают возможным, необходимым и желательным ставить свое поведение в зависимость от когнитивного, координационного, нормативного и информационного содержания, заданного институциональными элементами, а не от окружения напрямую. Другими словами, говоря на жаргоне теории игр, индивиды не играют против правил игры. Вместо этого они *играют против институционализированных правил*. Поскольку эти институциональные элементы равновесны и не обязательно правильно агрегируют частную информацию и знания, они часто более стабильны, чем окружение. Поведение будет сохраняться в меняющемся окружении. На самом деле поведение может сохраняться даже в тех случаях, когда прошлое поведение больше не было бы самоподдерживающимся, если бы индивидам приходилось определять свое поведение в соответствии с окружением.

Для понимания эндогенных институциональных изменений необходимо изучить взаимодействие между микромеханизмами, при помощи которых институты влияют на поведение, и их поведенческие и прочие следствия. Это показывает, каким образом эндогенный институт, будучи равновесным феноменом, может *усиливать* или *ослаблять* себя. Институт, который усиливается/ослабляется, становится самоподдерживающимся при более широком/узком наборе параметров. Изучение этих процессов усиления или ослабления делает, в частности, возможным изучение того, как институт взращивает семена своего собственного упадка, что ведет к его эндогенному изменению.

Ключ к пониманию того, почему и как институты прошлого влияют на направление институциональных изменений, заключен в признании двойственной природы компонентов, из которых состоят институты. Взаимосвязанные компоненты, составляющие институт, также являются характеристиками индивидов и обществ. Правила, убеждения и нормы, унаследованные из прошлого, образуют и отражают общие для индивидов познавательные модели, находят воплощение в предпочтениях этих индивидов и их представлении о себе, формируя общеизвестные представления об ожидаемом, нормативном и социально приемлемом поведении. Они также часто ясно показывают себя в действиях организаций. Следовательно, есть *фундаментальная асимметрия* между институциональными элементами, унаследованными из прошлого, и технически осуществимыми альтернативами.

Таким образом, если поведение, ассоциирующееся с конкретной ситуацией, больше не является самоподдерживающимся или же если нужен институт, который будет управлять новой транзакцией, не все альтернативные институты являются одинаково вероятными кандидатами. Скорее, возникший новый институт отразит воздействие прошлых институциональных элементов. Убеждения, нормы и организации, унаследованные из прошлого, войдут в состав первоначальных условий процесса, ведущего к возникновению новых институтов. Независимо от того, является этот процесс координируемым или нет, прошлые институциональные элементы окажут влияние на выбор среди технически возможных альтернативных институтов. Прошлое, заложенное в институциональных элементах, определяет направление развития институтов и ведет к тому, что общества развиваются по разным институциональным траекториям.

Используемый здесь подход еще больше облегчает сравнительный анализ институтов в разные эпохи и в разных обществах, так как транзакция рассматривается в качестве базовой единицы анализа. Мы можем сфокусировать внимание на одной и той же транзакции в разные периоды и исследовать институты, которые, будучи равновесными системами составляющих их элементов, генерируют поведение внутри этой конкретной транзакции в каждый период.

Фокусирование внимания на транзакции при изучении институтов с точки зрения равновесия позволяет преодолеть разрыв между двумя основными направлениями анализа в неоинституционализме. Экономика транзакционных издержек [Williamson O., 1985; Уильямсон, 1996] утверждает, что институты создаются для сокращения подобных издержек: подход к институтам как к правилам видит в них определяющие факторы транзакционных издержек [North, 1990; Норт, 1997].

Предлагаемый мною подход с точки зрения равновесия позволяет субъектам попытаться улучшить свою судьбу, одновременно признавая, что полученный в результате институт является равновесием, определяющим транзакционные издержки, с которыми сталкивается каждый субъект.

Для изучения институтов в том понимании, которое было предложено здесь, можно и нужно использовать различные аналитические подходы. Рассмотренные здесь теоретические подходы и эмпирические исследования подчеркивают преимущества использования классической теории игр, обогащенной гипотезами из социологии, когнитивных наук, теории обучения и экспериментальной теории игр, среди прочих областей исследования.

Вопрос о полезности применения теории игр в институциональном анализе широко обсуждался в социальных науках. Многие теоретики

микроэкономики, такие как Гиббонс [Gibbons, 1998], полагают, что этот подход незаменим, тогда как представители институционализма, такие как Норт и Уильямсон, принимают его с оговорками. В социологии и политологии развернулась горячая дискуссия по поводу эмпирической полезности такого подхода [Hechter, 1992; Scott, 1995; Green D., Shapiro, 1994; Friedman J., 1996; Scharpf, 1997; Bates, de Figueiredo, Weingast, 1998; Elster, 2000; Munck, 2001].

Аргументы обеих стороны заслуживают внимания, однако в данной дискуссии зачастую смешиваются два вопроса. Первый заключается в том, являются ли игры базовой единицей институционального анализа и позволяет ли теория игр создать теорию институтов. Второй вопрос состоит в том, является ли теория игр эмпирически и аналитически полезной. С нашей точки зрения, игры не являются базовыми единицами анализа, а теория игр не позволяет создать теорию институтов, хотя она и полезна в аналитическом и эмпирическом плане.

Более того, многое можно узнать об институтах, если ответить на ставящее в тупик замечание, что теория игр оказалась очень полезна для институционального анализа, хотя она и основывается на нереалистических допущениях относительно процесса познания, информации и рациональности.

Моя задача заключается в том, чтобы выяснить, что мы получаем от принятия указанных допущений. Как и в какой мере эти допущения соблюдаются в реальном мире? Что говорят нам способы их соблюдения о том, как и когда теория игр может быть продуктивно использована для изучения поведения в реальных жизненных ситуациях? Как мы увидим, обращение к этим вопросам весьма полезно для понимания институтов.

Поскольку представленный здесь подход изучает институты посредством анализа равновесия в теории игр, его иногда называют подходом к *институтам как к равновесию*, а соответствующие институты — *самоподдерживающимися*. Эти термины передают дух анализа, но не его суть. С точки зрения теории игр институты не являются равновесием, игры не являются базовыми единицами институционального анализа, а теория игр сама по себе не дает нам теорию институтов. Ключ к развитию институционального анализа с использованием теории игр заключается именно в том, чтобы признавать различие между анализом равновесия в теории игр и самим институциональным анализом.

И эволюционный институционализм, и классическая теория игр утверждают, что поиски всеохватной дедуктивной теории институтов, т.е. теории, дающей однозначные соответствия между наблюдаемыми, экзогенными чертами ситуации и институтами, могут оказаться тщетными. Достижение уникального равновесия в эволюционных моделях требует ограничивающих допущений относительно возможных действий, рации-

ональности и стохастических процессов, которые лежат в основе экспериментирования, обучения и изменений.

Классическая теория игр указывает, что множественные равновесия (и, следовательно, институты) могут быть самоподдерживающимися. Даже при принятом в теории игр допущении, что люди крайне рациональны, а игра является общеизвестной, множественные равновесия являются правилом, а не исключением в повторяющихся ситуациях, занимающих центральное место в институциональном анализе.

Эта недетерминированность институтов бросает вызов нашей способности изучать их дедуктивно. Предпосылкой дедуктивного анализа является то, что теория может ограничивать (*предсказывать*) эндогенные исходы для данного набора экзогенных и наблюдаемых особенностей ситуации. Это предсказание должно быть достаточно точным, чтобы эмпирический анализ имел смысл. В случае институционального анализа мы не располагаем такой дедуктивной теорией, способной предсказывать институты.

Индуктивный анализ в духе Фрэнсиса Бэкона, который выделяет и классифицирует институты на основании наблюдаемых черт, точно так же недостаточен для их изучения, хотя и признает необходимость изучения мотивации. отождествление институтов с такими наблюдаемыми явлениями, как правила и организации, вводит в заблуждение. Ведь соблюдение правил и действие организаций зависит от недоступных наблюдению убеждений и норм. Хотя некоторые компоненты института, такие как формальные правила, или организации, подобные бирже или суду, доступны для наблюдения. Другие компоненты, такие как нормы, касающиеся честности в сделках с незнакомыми людьми, и представления о юридическом обеспечении исполнения обязательств, с трудом поддаются наблюдению и измерению.

Более того, как показывает теория игр и другие подходы, самые различные убеждения и нормы могут быть самоподдерживающимися в одних и тех же ситуациях, даже если мы допустим, что индивиды крайне рациональны, а правила игры общеизвестны. Нет однозначных соответствий между компонентами институтов, поддающимися наблюдению (правила и организации) и не поддающимися наблюдению (убеждения и нормы). Одни и те же правила и организации могут быть компонентами институтов, различающихся нормами и убеждениями, из чего следует, что мы не можем изучать институты индуктивно, основываясь на наблюдаемых компонентах.

Без дедуктивной теории институтов или способности выделять институты, основываясь только на их наблюдаемых компонентах, традиционные эмпирические методы, применявшиеся в социальных науках, оказываются в неудобном положении. Эти методы опираются на два

фактора: способность дедуктивной теории к предсказанию и способность индуктивно классифицировать результаты.

Степень этого вызова отражена в попытках эконометрической оценки эффективности институтов, отождествляемых с их наблюдаемыми чертами (в частности, правилами) или следствиями (в частности, защитенностью прав собственности). Несмотря на многочисленные исследования и эконометрический анализ, споры о том, насколько результаты исследований подтверждают тезис о важности институтов, не утихают [Rodrik et al., 2003; Glaeser et al., 2004]. Исследования, использующие количественные измерения таких институтов, как, например, гражданские свободы и права собственности, для обоснования их влияния на экономический рост, также не слишком убедительны [Aron, 2000]. Даже воздействие политической нестабильности и социального капитала на рост экономики трудно обосновать эконометрическими методами [Campos, Nugent, 2002; Schneider, Plumper, Baumann, 2000].

Эти неокончательные результаты показывают: уделяется недостаточное внимание тому факту, что не поддающиеся наблюдению институциональные элементы могут систематически варьироваться от общества к обществу и напрямую влиять на эффективность института. Два общества с одними и теми же формальными правилами, определяющими права собственности, могут иметь совершенно различный уровень инвестиций, если в каждом из них преобладают различные представления об обеспечении исполнения этих правил. Отбрасывание этих не поддающихся наблюдению элементов как просто своеобразных вариаций приводит к проблеме пропущенной переменной, искажающей любую попытку измерения, которое не может наглядно объяснить эти элементы.

Разрабатываемый здесь подход основан на методе изучения конкретных случаев, которым дополняется институциональный анализ. Это особенно перспективно, если учесть отсутствие дедуктивной теории институтов, степень их многообразия, интерес к всестороннему пониманию отдельных институтов в политических целях и потребность в разработке общих положений, касающихся институтов.

Этот метод основывается на утверждении, что институциональные элементы, унаследованные из прошлого, будут оказывать влияние на последующие институты, и подчеркивает необходимость использования для изучения институтов контекстуальной, исторической, информации. Говоря более обобщенно, данная книга предлагает эмпирический метод исследования конкретных случаев, в котором центральное место занимает интерактивный, контекстуальный анализ, сочетающий знание контекста ситуации и ее истории с теорией и эксплицитным контекстуальным моделированием. Этот метод интерактивно использует знание контекста в сочетании со специфической контекстуальной моделью для

того, чтобы *идентифицировать* институт, выяснить, почему и как он устанавливается, и понять его функционирование, изменения и последствия.

Признавая, что институты состоят из компонентов, которые также являются атрибутами индивидов и обществ, рассматриваемый здесь подход позволяет преодолеть пропасть между изучением институтов как правил или контрактов (как это принято в экономике) и изучением их как культурных феноменов (как это принято в других общественных науках). Данный подход признает тщетность споров об определениях культуры и институтов и о том, что из них важнее для объяснения отдельных явлений.

Вместо этого предлагаемый подход показывает, насколько «культуралисты» и «институционалисты» заинтересованы в изучении по сути одних и тех же явлений: последствий рукотворных нематериальных факторов, которые порождают закономерности поведения, воздействуя извне на каждого из индивидов. Это, например, верования и порожденные ими внутренние нормы. Данный анализ показывает, как тесно переплетено культурное и институциональное. В рамках экономической науки это влечет за собой соединение институционального анализа и анализа социального капитала.

Важнее следующее: признавая взаимосвязь институционального и культурного, предлагаемый здесь подход позволяет изучать взаимодействие между ними. Из материалов этой книги можно сделать важный вывод о том, что культура влияет на развитие институтов. В то же время интеграция культурных элементов в институты общества — механизм, который ведет к их сохранению.

Расширение области анализа путем включения в нее культурного, социального и организационного предполагает, что разрабатываемый здесь подход является *социоэкономическим*. Он одновременно отступает от подхода к институтам как к правилам, изучающим, как институты определяются экономическими и политическими силами, и дополняет его. Этот социоэкономический взгляд отражает и составляет социологический поворот в экономическом неинституционализме, который отходит от характерного для теории институтов как правил акцента на политических и экономических аспектах. Социоэкономический взгляд учитывает их, но идет дальше.

Разрабатываемый здесь подход многое черпает из основных традиций социологического институционализма. В их числе — традиция, связанная с Дюркгеймом, основу которой составляют социально конституированные коды поведения и убеждения; традиция, связанная с Парсонсом, которая фокусируется на нормативном поведении; внимание к социальным структурам и взаимодействиям, связываемое с Ронгом [Wrong,

1961], Грановеттером [Granovetter, 1985] и Марчем и Олсеном [March, Olsen, 1989]; традиция, связываемая с Вебером [Weber, 1947, 1949], Бергером и Лукманом [Berger, Luckmann, 1967; Бергер, Лукман, 1995], Серлем [Searle, 1995] и У. Пауэллом и Димаджио [Powell W., DiMaggio, 1991], занимающаяся когнитивными основаниями поведения, организаций и социального конструирования реальности. Поскольку эти социологические понятия также играют важную роль в старом институционализме [Dugger, 1990], их включение в неoinституционализм ведет к сближению двух направлений институционального анализа в экономике.

Обращаясь к вопросам устойчивости институтов, эндогенных изменений и влияния прошлого на последующие институты в рамках единого подхода, анализ институциональной динамики как исторического процесса дополняет три направления исследования. Первое — исторический институционализм в политологии, подчеркивающий, что институты отражают исторический процесс [Hall P., Taylor, 1996; Thelen, 1999; Pierson, Skocpol, 2002]. Второе — исследования, посвященные «зависимости от пройденного пути» (path-dependence), в которых подчеркивается стабильность исторически унаследованных феноменов [David, 1985; Arthur, 1988]. Третье — исследования культуры как «набора инструментов» для реконструкции общества в новых ситуациях [Swidler, 1986].

Не менее важна связь между разрабатываемым здесь подходом и эволюционным институционализмом. Анализ институциональной динамики как исторического процесса является эволюционным в том смысле, что он фиксирует воздействие прошлого на скорость и направление перемен. Он раскрывает микроосновы эволюционных процессов в развитии институтов. Существующие институты воздействуют на процессы обучения, имитации и экспериментирования, ведущие к возникновению новых институтов, влияя на затраты и результаты, связанные с введением новых институциональных элементов, и ориентируют новые институты на те, что с ними взаимосвязаны и не слишком отходят от их элементов.

3. ИНСТИТУТЫ И ТОРГОВАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЭПОХУ ЗРЕЛОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Эмпирические исследования, представленные в данной книге, сравнивают развитие институтов как внутри Европы, так и между Европой и мусульманским миром, прежде всего в эпоху зрелого Средневековья (примерно с 1050 по 1350 г.). Слова Саида ибн Ахмада, мусульманского ученого и судьи, жившего в Толедо в XI в., объясняют, почему изучение именно этого периода представляет такой интерес. Он сравнивал разные народы с точки зрения их достижений в науке, ремеслах, военных на-

выков, художественных способностей. Европейцы, по его определению, «варвары с Севера», не слишком преуспели. Им «не хватает остроты понимания и ясности ума, и они не в состоянии преодолеть невежество... апатию... и глупость» [Lewis B., 1982, p. 68]. Если оценивать уровень развития, используя такие критерии, как урбанизация и состав экспорта, Европа в XI столетии действительно была экономически слаборазвитым родственником других регионов мира.

Такую мрачную оценку «варваров с Севера» Саид ибн Ахмад предложил именно тогда, когда европейская экономика, государственность и общество вступили на путь, приведший к возвышению Запада, — процессу, начавшемуся в период зрелого Средневековья с роста европейской торговли [North, Thomas, 1973; Rosenberg, Birdzell, 1986]. Международная торговля «стала ведущей силой экономического прогресса и в конечном итоге оказала такое же решающее влияние на все аспекты человеческой деятельности, что и промышленная революция, изменившая современный мир» [Lopez, 1967, p. 126]. Центр тяжести в торговле на берегах Средиземного моря начал перемещаться из мусульманского мира в Европу.

Данная книга рассматривает разные аспекты институциональных оснований этой торговой экспансии в эпоху зрелого Средневековья и последовавших за ней политических и социальных трансформаций. Этот исторический эпизод позволяет изучить общую природу институтов, их динамику и последствия. В конце концов торговая экспансия не была, как могла бы предсказать теория торговли, ответом на изменения в наделенности факторами производства (endowments) или технологии. Скорее, важную роль в начале торговли и создании дополняющего ее процесса развития институтов и торговой экспансии сыграли новые институты, обеспечившие основания для рынков и политических единиц.

Историческая и теоретическая важность этого периода привлекла внимание ученых, применяющих подход к институтам как к правилам. В их интерпретации, как только феодальные распри стихли, мир сделал возможным рост населения и осознание пользы «торговли между разными частями Европы», которая «всегда потенциально была взаимовыгодной» [North, Thomas, 1973, p. 11]. Последующее развитие институтов отражает попытки снизить транзакционные издержки. «Оживление торговли привело... к появлению ряда институциональных механизмов (таких как страховые контракты и коносаменты), призванных уменьшить несовершенство рынков» [Ibid, p. 12].

Эта интерпретация связывает оживление торговли с экзогенными политическими событиями, которые привели к развитию институтов, обусловленное соображениями эффективности. Данное предположение, однако, игнорирует множество важных вопросов. Какие институ-

ты, если это вообще были институты, привели к прекращению распрей? В тот период не было «государства», которое могло бы предотвратить войну между разными политическими образованиями, и ни одно из таких образований не обладало монополией на принуждение даже внутри отдельной политической единицы. Тогда как же поддерживался мир?

В период зрелого Средневековья не существовало государств, которые могли бы создать институты, необходимые для международной торговли. Какие институты гарантировали защиту прав собственности торговцев, когда те путешествовали или посылали свои товары за границу? Какие институты обеспечивали выполнение контрактов, необходимое для того, чтобы люди из разных концов Европы вступали в договорные отношения во времени и пространстве?

Была ли торговая экспансия только производной от мира и наделенности факторами производства или же институциональные элементы, унаследованные из прошлого, повлияли на время, в которое она происходила, место и степень? Почему складывавшиеся институциональные механизмы в Европе отличались от тех, что возникали в других (технологически сходных) экономиках в ответ на рост торговли? Почему контрактные и организационные формы, одинаковые в период раннего Средневековья в Европе, в мусульманском мире и в Византии, к XV в. начали отличаться?

Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно рассматривать институты в качестве правил, а институциональное развитие — как неизбежный ответ на выгоды от торговли и мира. Необходимо изучить происхождение и проявление институциональных элементов, порождавших поведение взаимодействующих политических и экономических агентов, и то, как они создавали равновесие. В частности, как показывает представленный здесь исторический анализ, для понимания торговой экспансии в период зрелого Средневековья необходимо рассмотрение институциональных основ государств и рынков.

Это историческое исследование затрагивает вопрос о возвышении Запада. Такое возвышение и ритм истории в целом не так давно связывались с действием различных детерминистских сил.

Некоторые ученые приняли точку зрения технологического и географического детерминизма, приписывающего успех Европы расположению месторождений угля, портов, удобных для ведения торговли с Новым Светом, или географии [Diamond, 1997; Pomeranz, 2000; Sachs, 2001; Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002].

Другие предпочли культурный и социальный детерминизм, утверждая, что экономические и политические результаты отражают социальный капитал и доверие, унаследованные из прошлого [Putnam, 1993; Патнэм, 1996; Fukuyama, 1995; Фукуяма, 2004].

Еще одно направление исследований полагает, что возвышение Запада — это современный феномен. В действительности экономические результаты (потребление пищи, интеграция рынков и другие показатели) были в Европе, возможно, ничуть не выше, чем в других частях мира вплоть до начала XIX в. [Pomeranz, 2000; Shiue, Keller, 2003]. Эти исследования подтверждают гипотезу о том, что успех Европы связан с такими недавними явлениями, как подъем экономики, основывающейся на полезных ископаемых, колониализм или атлантическая экономика [Pomeranz, 2000; Acemoglu et al., 2002].

Представленное здесь историческое исследование показывает, что определенные институты получили развитие на Западе еще в период зрелого Средневековья. В центре организации западного общества стояли намеренно созданные институты. Ни государство, ни социальные структуры, основанные на родственных связях (например, племена и кланы), не играли в них значительной роли.

Вместо этого общество было основано вокруг самоуправляющихся организаций, образованных на интересе, а не на родстве. Эти организации, в основном в форме корпораций, имели жизненно важное значение для политических и экономических институтов Европы в период роста как в эпоху зрелого Средневековья, так и в современную.

В возникновении такой организации общества в этот период немаловажную роль сыграли несколько факторов — в частности, институциональные элементы, унаследованные из прошлого: индивидуалистические культурные убеждения и слабость структур, основанных на родстве (которые до некоторой степени отражали интересы и действия церкви), институциональная слабость государства и нормы, легитимирующие самоуправление.

Это историческое наследие предполагало, что выгоды от сотрудничества невозможно достичь, если опираться на институты, основанные на родстве, или на государство. В то же время экономические и властные ресурсы были распределены относительно равномерно, и для удовлетворения интересов тех, кто обладал относительной властью, требовалось сначала мобилизовать ресурсы многих индивидов. Так образовывались самоуправляющиеся корпорации, основанные на интересах, а не на родстве.

С тех пор организация общества, опирающаяся на самоуправляющиеся структуры, основанные не на родстве, и индивидуализм, определяла поведение и результаты, приведшие к специфическому экономическому и политическому развитию Европы. Такая организация общества является общим знаменателем для столь разных на первый взгляд исторических явлений — экономической экспансии зрелого Средневековья, возвышению европейской науки и технологии [Мокур, 2002] и созданию

современного европейского государства, высшего проявления самоуправяемой корпорации, основанной не на родстве, состоящей из индивидов, а на более крупных социальных единицах [Greif, 2004b].

Если институты играют определяющую роль при достижении экономических, социальных и политических результатов, а институциональное развитие является историческим процессом, то истоки успеха Запада, вполне возможно, лежат в политических и экономических институтах его прошлого. Следует подчеркнуть, что это лишь предварительная гипотеза. Об институтах прошлого известно на удивление мало: вполне возможно, что европейские и неевропейские институты имели больше общего, чем представляется сегодня.

Более того, относительная эффективность любого конкретного набора институтов зависит от контекста. Наконец, западные институты в течение долгого времени могли саморазрушаться, способствуя появлению чрезмерного индивидуализма и материализма [Lal, 1998; Лал, 2007]. Если бы успех измерялся долей мирового населения, Запад уже переживал бы упадок. Следовательно, остается открытым вопрос о том, отражает ли возвышение Запада его институциональные особенности, или, более обобщенно, — действительно ли история определяется отчетливой институциональной динамикой, создаваемой прошлыми институтами.

Однако любопытно, что институциональные особенности зрелого Средневековья также ассоциируются с возвышением Европы в эпоху Нового времени. Две основные эпохи экономического развития Европы имеют схожие институциональные основы. Утверждения о том, что возвышение Запада вызвано заранее предопределенными факторами или недавними событиями, должны показывать, что последствия этих экзогенных факторов и конкретных событий не являются отражением особенностей европейских институтов.

4. СТРУКТУРА КНИГИ

В главе II излагается разрабатываемое здесь понятие институтов в его соотнесенности с другими понятиями.

Во второй части с использованием теории игр эндогенные институты рассматриваются как равновесные системы взаимосвязанных компонентов. Она начинается двумя эмпирическими исследованиями, которые показывают полезность разрабатываемого здесь подхода для рассмотрения институциональных оснований рынков.

В главе III изучается институт, который обеспечивал исполнение контрактов среди торговцев мусульманского мира, тем самым создавая возможность для обмена в отсутствие законного обеспечения исполнения контрактов.

В главе IV рассматривается институт, способствовавший развитию международной торговли, гарантируя права собственности в Европе. Этот институт наделял правителя монопольным правом на принуждение к соблюдению прав собственности иностранных торговцев.

В главе V еще более глубоко исследуется природа различных институциональных элементов и их взаимосвязь. В ней показывается, что мы можем узнать об институтах, исходя из строгих допущений, принятия которых требует от нас теория игр, и насколько полезным может быть правильное использование теории игр в институциональном анализе. Эта глава основывается, помимо прочего, на данных когнитивной науки, старом институционализме и социологии. В ней обсуждается интеграция нормативных и социальных аспектов в институциональном анализе.

Дополнением к этому анализу служит Приложение Б, в котором делается попытка установить, совместимо ли допущение о рациональности индивидов (в том специфическом смысле, в каком это понимается в теории игр) с утверждением о важности нормативных и социальных соображений.

В третьей части рассматривается институциональная динамика. Глава VI посвящена эндогенным институциональным изменениям, а глава VII — влиянию прошлых институтов на последующие. Теоретические положения, выдвигаемые в главах VI и VII, иллюстрируются при помощи сравнительного анализа институциональных оснований двух наиболее успешных итальянских приморских городов-государств — Генуи и Венеции. Анализ затрагивает важные вопросы государственного строительства, эндогенного создания государства, де-факто наделенного монополией на принуждение, и экономически продуктивного использования принуждения.

Глава VIII предлагает анализ успеха, провала и динамики институтов в процессе государственного строительства в Генуе. В главе IX представлен сравнительный анализ институционального и контрактного развития двух групп торговцев, одна из которых принадлежит мусульманскому миру, а другая — европейскому (латинскому). При этом подчеркивается, что культурные убеждения (грубо говоря, общие несоординированные убеждения) влияют на отбор институтов, интегрируются в существующие институты и направляют процесс институциональных инноваций и реакций на новые обстоятельства.

В главе X иллюстрируются преимущества интерактивного, контекстуального анализа. Поднимаемый в ней вопрос об институтах, обеспечивающих основания обезличенного обмена в отсутствие пристрастной правовой системы, интересен и сам по себе. Представленный в ней эмпирический анализ подчеркивает роль одного европейского института, который стимулировал внутриобщинные институты беспристрастного

принуждения к соблюдению контрактов, освобождая от пристрастного правосудия и тем самым поддерживая обезличенный обмен между сообществами. Торговля на дальние расстояния, которую упрощали эти институты, в свою очередь, влияла на развитие институтов по обеспечению исполнения контрактов внутри государства.

Глава XI использует этот пример для объяснения того, почему анализ институтов обычно требует сочетания индукции и дедукции. В ней также предлагается механизм соединения исторической, контекстуальной информации и наглядных моделей для проведения интерактивного, контекстуального анализа.

Приложение В, посвященное институтам частного порядка, основанном на репутации, дополняет эту главу разработками, касающимися роли теории в описании общих соображений, формирующих данные институты, и соответственно в выявлении релевантных доказательств.

В главе XII подводятся основные итоги и рассматриваются положения и концепции, играющие центральную роль в разрабатываемом в данной работе подходе, а также анализируются общие гипотезы, выдвигаемые в исторических исследованиях. Завершается книга оценкой той роли, которую она может сыграть в развитии и разработке институтов.

Чтобы книга стала доступной для разных типов читателей, она построена так, что можно фокусироваться либо на исследовании институтов, либо на историческом анализе. Читатели, интересующиеся институтами и их анализом, могут обратиться к главам II, V, VI, VII, XI, XII и Приложениям Б и В.

Те, кого интересует исторический материал, могут обратиться к главам III, IV, VIII, IX и X (каждая из которых включает в себя доступное обсуждение теоретических результатов) и к главе XII. Читателям, не сведущим в теории игр, может пригодиться введение в эту теорию, представленное в Приложении А.

Научное издание
Серия «Экономическая теория»

АВНЕР ГРЕЙФ

ИНСТИТУТЫ И ПУТЬ
К СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ.
УРОКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРГОВЛИ

Второе издание

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
ОЛЬГА ИВАНОВА
Корректор
ГАЛИНА КРИКУНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 22.11.2017. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 43,6. Уч.-изд. л. 35,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2154. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59